

Житель поверхности не заметил бы его и на расстоянии фута. Приглушенные шаги его верхового ящера слишком легки, чтобы их можно было услышать, а гибкие, превосходно изготовленные кольчуги, покрывающие седока и ящера, словно срослись с кожей.

Ящеровол Дайнина легко и быстро бежал рысью, перепрыгивая через провалы, время от времени переползая на стены и даже на потолок длинного тоннеля.

Подземных ящеров, с их липкими и мягкими трехпалыми ступнями, ценили именно за способность взбираться на камни с легкостью паука. На поверхности, где светит солнце, передвижение по твердой земле не оставляет предательских следов, но почти все существа Подземья обладают инфразрением, способностью видеть в инфракрасном спектре. Пол коридоров прекрасно сохраняет тепло оставленного следа, по которому не составляет труда выследить путника.

Дайнин словно врос в седло, когда ящер с трудом преодолел потолок, затем резко нырнул вниз, упав на стену. Эльф не хотел, чтобы его выследили.

Они передвигались в темноте, но Дайнину и не нужен был свет. Он был темный эльф, темнокожий родственник лесного народца, танцующего под звездами поверхностного мира. Для удивительных глаз Дайнина, преобразующих малейшие изменения тепла в видимые цветовые образы, тьма Подземья не была помехой. Все цвета спектра переливались перед ним в камне стен и пола, согретых каким-нибудь далеким гейзером или горячим ручьем. Лучше всего темный эльф различал тепло, исходящее от живых существ, и это позволяло ему отчетливо видеть своих врагов, точно так же как житель поверхности видит их при ярком дневном свете.

Обычно Дайнин не покидал город в одиночку – мир Подземья слишком опасен для одиноких путников, даже для темного эльфа. Но этот день был особым. И Дайнин хотел быть уверен, что ни один недруг не заметит его.

Мягкое голубое волшебное сияние за высеченной в скале аркой возвестило эльфу, что он приблизился ко входу в город, и он замедлил бег ящера. Очень немногие пользовались этим узким тоннелем, который вел в Брешскую крепость, северную часть Мензоберранзана, где размещалась Академия, и никто, кроме учителей, инструкторов Академии, не мог здесь пройти, не вызвав подозрения.

Дайнин всегда нервничал, когда подходил к этому месту. Из сотни тоннелей, отходящих от главной пещеры Мензоберранзана, этот охранялся наиболее бдительно.

За аркой находились две статуи гигантских пауков. Если под арку проникал враг, пауки оживали и нападали на него, а в Академии звучал сигнал тревоги.

Дайнин спешил, оставив ящера удобно расположившимся на стене на уровне его груди, сунул руку под воротник своего пивафви – волшебного плаща, делающего его невидимым, и достал нашийный кошелек. Из него он вынул герб Дома До'Урден, с изображением паука, держащего в каждой из восьми своих лап различное оружие и украшенного буквами ДН, которые означали древнее официальное имя Дома До'Урден:

Дармон Н'а'шезбернон.

– Жди моего возвращения, – шепнул Дайнин ящеру и махнул гербом.

Как и гербы остальных дровских Домов, герб Дома До'Урден содержал несколько магических

двеомеров, один из которых давал членам семьи абсолютную власть над домашними животными. Ящер безоговорочно подчинился, замерев на месте и словно слившись с камнем; даже если бы крысе, его любимому лакомству, вздумалось вздремнуть на расстоянии нескольких футов от его морды, он не шевельнулся бы.

Дайнин глубоко вздохнул и осторожно шагнул под арку. Он заметил, как подозрительно пауки следят за ним со своей пятнадцатифутовой высоты. Он всю жизнь прожил в этом городе, поэтому мог свободно ходить по любому тоннелю, но Академия была непредсказуемым местом; поговаривали, что зловредные пауки часто отказывались впускать даже темного эльфа, если он пришел без приглашения.

Дайнин напомнил себе, что ни страх, ни случайности не должны его задерживать. Дело было чрезвычайно важным для военных планов его семьи.

Устремив взгляд вперед, не глядя на возвышающихся над ним пауков, он твердым шагом прошел на территорию Брежской крепости.

Отступив в сторону, он остановился, прежде всего для того, чтобы удостовериться, что поблизости никого нет, а уж затем, чтобы полюбоваться видом Мензоберранзана. Никто, будь то темный эльф или кто-то другой, не мог удержаться от восхищения, глядя на город дровов с этого места. Брежская крепость была самой высокой точкой двухмильной пещеры, и отсюда открывалась широкая панорама остальной части Мензоберранзана. На небольшом участке, занимаемом Академией, находились три постройки, составляющие школу дровов:

Арак-Тинилит, паучья школа Ллос; Магик, башня колдовства с многочисленными остроконечными шпилями; и Мили-Магтир, несколько упрощенное пирамидальное здание, где мужчины-воины изучали свое ремесло.

Дальше Брежской крепости, за богато украшенными сталагмитовыми колоннами, отмечающими вход в Академию, пол пещеры резко уходил вниз, а стены широко раздвигались, так что Дайнин не мог видеть ее границ несмотря на острое зрение.

Для чувствительных дровских глаз цвета Мензоберранзана складывались из трех световых спектров. Тепловые потоки, исходящие от трещин и горячих родников, кружили по всей пещере. Пурпурный и красный, ярко-желтый и нежно-голубой пересекались и исчезали, взбирались на стены и сталагмиты или внезапно отдельными прерывистыми линиями сбегали по тусклому серому камню. Более сдержанными по сравнению с этими основными и естественными градациями цвета в инфракрасном спектре были области интенсивной магии, вроде излучающих энергию пауков, между которыми прошел Дайнин. И довершали буйство красок огни города, феерия волшебных факелов и освещенных скульптур на домах. Дровы гордились красотой своих конструкций, поэтому изящные колонны и причудливые, витиеватые горгульи были почти всегда залиты волшебным светом.

Даже с этого расстояния Дайнин мог различить Дом Бэнр, Верховный Дом Мензоберранзана. Он вмещал двадцать сталагмитовых колонн и десять гигантских сталактитов. Дом Бэнр существовал уже пять тысяч лет, с самого основания Мензоберранзана, и все это время работы по усовершенствованию дома не прекращались. Практически каждый дюйм огромного строения сверкал магическим огнем: голубым на окраинных башнях и ярко-пурпурным на громадном центральном куполе.

Резкий свет свечей, не свойственный Подземью, лился из некоторых окон дальних домов. Дайнин знал, что только священники и маги зажигали огонь, крайне необходимый в их мире

свитков и пергаментов.

Это был Мензоберранзан, город темных эльфов. Здесь жили двадцать тысяч обитателей, двадцать тысяч солдат армии зла.

Тонкие губы Дайнина растянулись в злобной улыбке, когда он подумал о том, что этой ночью нескольких таких солдат не досчитаются.

Он внимательно посмотрел на Нарбондель, гигантскую колонну в центре города, которая служила часами для Мензоберранзана. Нарбондель была для дровов единственным способом отмечать ход времени в мире, который не знал ни смены дней и ночей, ни смены времен года. В конце каждого дня назначенный городом Архимаг зажигал волшебный огонь в основании каменной колонны. Огонь горел в течение цикла, равного полной смене дня и ночи на поверхности, – постепенно распространяя свое тепло вверх по колонне, пока она не вспыхивала ярким красным светом. Сейчас Нарбондель была абсолютно черной, остывшей, поскольку огни двомера угасли. Дайнин заключил, что колдун как раз сейчас находится у основания колонны, готовый начать цикл заново.

Была полночь, назначенный час.

Дайнин отошел от пауков и стал красться по Брешской крепости, стараясь придерживаться тепловых «теней» на стене, которые скрывали температурные очертания его тела. Наконец он подошел к Магику, школе колдовства, и скользнул в узкую аллею между изогнутым основанием башни и внешней стеной крепости.

– Студент или учитель? – послышался шепот, которого он ожидал.

– Только учитель может ходить по Брешской крепости в час черной смерти Нарбондель, – ответил Дайнин.

Из-под арки башни вышла закутанная фигура и остановилась перед Дайнином.

Незнакомец стоял в обычной позе учителя Академии – со скрещенными на уровне груди руками.

В подобной ситуации привычная для темных эльфов поза выглядела несколько неуместно.

– Приветствую тебя. Безликий, – Дайнин обратился к магу на немом языке жестов, который был не менее выразителен, чем язык звуков.

Дрожь рук Дайнина противоречила спокойствию его лица, ибо при виде мага нервы его натянулись, как струны.

– Второй сын До'Урден, – ответил маг жестом, – вознаграждение с тобой?

– Ты будешь вознагражден, – прожестикულიровал Дайнин. Гнев, разбуженный наглостью мага, помог ему обрести хладнокровие. – Как смеешь ты сомневаться в обещании Мэлис До'Урден, верховной матери Дармон Н'а'шезбернон, Десятого Дома Мензоберранзана?

Безликий отпрянул, осознав свою ошибку. – Прошу прощения, второй сын Дома До'Урден, – ответил он, упав на одно колено в знак повиновения.

Согласившись принять участие в заговоре, маг теперь боялся, что нетерпение может стоить

ему жизни. Когда-то, во время одного из своих магических экспериментов, он сильно пострадал: огонь начисто стер черты его лица, оставив после себя пузырящуюся бело-зеленую массу. Мать Мэлис До'Урден, как никто в городе владеющая искусством смешивать разные зелья и мази, дала магу слабую надежду на исцеление, за которую тот не мог не уцепиться.

В бесчувственном сердце Дайнина не было места жалости, но Дому До'Урден был нужен этот колдун.

- Ты получишь свою мазь, когда Альтон Де Вир будет мертв, - спокойно пообещал Дайнин.

- Конечно, - согласился маг. - Этой ночью? Дайнин скрестил руки на груди и задумался. Мать Мэлис проинструктировала его, что Альтон Де Вир должен умереть сразу же, как только начнется битва между их семьями. Однако Дайнину этот сценарий показался слишком уж гладким, слишком легким. От Безликого не ускользнула искра, внезапно озарившая алым светом глаза молодого До'Урдена.

- Подожди, пока свет Нарбондель не достигнет зенита, - быстрыми жестами ответил Дайнин, оскаливая зубы в усмешке.

- Должен ли обреченный на смерть знать о судьбе, ожидающей его Дом? спросил маг, догадываясь о зловещих намерениях Дайнина.

- Нанеся удар, скажи ему об этом, - ответил Дайнин. - Пусть Альтон Де Вир умрет без всякой надежды.

Дайнин вновь оседлал ящера и стремглав пустился обратно по пустому коридору. На одном из перекрестков он свернул и вскоре достиг восточного края пещеры, где располагался хозяйственный сектор Мензоберранзана. Ни один эльф не увидит, что он покидал пределы города, поскольку никаких зданий рядом не было лишь несколько ничем не примечательных сталагмитовых колонн вырастали из плоскости камня. Дайнин промчался по берегу Донигартена, небольшого городского озера, посреди которого находился покрытый мхом остров, где разместилось довольно большое стадо рофов - домашнего скота темных эльфов. Сотня гоблинов и орков отвлеклись от своих пастушеских и рыбацких занятий, заметив, как мимо них промелькнул один из воинов-дровов. Сознывая свое положение рабов, они старались не смотреть Дайнину в глаза.

Впрочем, Дайнин и так не обратил на них внимания. Он был слишком поглощен важностью момента. Очутившись вновь на пустынных извилистых улицах, между сверкающими замками дровов, он еще сильнее прищепил ящера. Он направлялся к югу центральной части города, к роще гигантских грибов, которая отделяла сектор самых богатых домов в Мензоберранзане.

Завернув за угол, он чуть не наехал на группу из четырех празднующихся страшил. Огромные волосатые гоблины мгновение помедлили, окидывая темного эльфа оценивающими взглядами, после чего с неохотой освободили дорогу.

Дайнин понял, что страшилы узнали в нем члена Дома До'Урден. Он был знатного рода, сын верховной жрицы, и фамилия До'Урден была именем его Дома. Из двадцати тысяч темных эльфов в Мензоберранзане только около тысячи принадлежали к аристократии, составляя шестьдесят семь признанных семей города. Остальные были простыми воинами.

Страшилы не были дураками. Они могли отличить аристократа от простолюдина, и хотя темные эльфы не носили на себе семейных гербов, остроконечный гребень совершенно белых волос Дайнина, заплетенных сзади в косичку, и особый рисунок пурпурных и красных линий на

его черном плаще достаточно ясно говорили о том, кто перед ними.

Несмотря на срочность возложенной на Дайнина миссии, он не мог проигнорировать промедление страшил. Интересно, как бы они удирали, если бы он был членом Дома Бэнр или одного из семи других правящих Домов?

– Сейчас вы научитесь уважать Дом До'Урден! – тихо прошептал темный эльф, развернулся и направил ящера на гоблинов.

Страшили бросились бежать и повернули на улицу, усыпанную камнями и всевозможным мусором.

Дайнин удовлетворился тем, что воспользовался природными способностями своей расы. Он образовал на пути этих существ темный шар, не проницаемый как для инфразрения, так и для обычных глаз. Он понимал, что неразумно привлекать к себе такое внимание, но через мгновение, услышав звуки падения и шумные проклятия натыкающихся на камни страшил, он почувствовал, что риск того стоил.

Гнев его утих, и он снова отправился в путь, еще более тщательно выбирая направление сквозь тепловые тени. Будучи членом семьи Десятого Дома города, Дайнин мог свободно передвигаться в пределах огромной пещеры, однако Мать Мэлис ясно дала понять, что никто, имеющий отношение к Дому До'Урден, не должен появляться вблизи грибной рощи.

Никто не осмеливался ослушаться Матери Мэлис, но, в конце концов, это ведь только правило. А в Мензоберранзане одно правило превалировало над всеми другими: «Не попадайся».

В южном конце грибной рощи нетерпеливый дров нашел то, что искал: группу из пяти огромных, от пола до потолка колонн, соединенных металлическими и каменными парапетами и мостами и вмещающих внутри себя целую сеть комнат.

Светящиеся красным светом горгульи, типичные для этого дома, свирепо смотрели с сотни подставок, словно молчаливые часовые. Это был Дом Де Вир, Четвертый Дом Мензоберранзана.

Частокол высоких грибов окружал место, и каждый пятый был визгуном, разумным грибом, названным так (и пользующимся особым расположением в качестве охраны) за пронзительные тревожные крики, которые он издавал, стоило какому-нибудь живому существу пройти мимо. Дайнин держался на безопасном расстоянии, не желая потревожить какого-нибудь визгуна. Он знал, что, помимо грибов, крепость защищали куда более опасные и смертоносные обереги. Но о тех позаботится Мать Мэлис.

Над этой частью города нависла настороженная тишина. Весь Мензоберранзан знал, что Мать Джинафе Дома Де Вир впала в немилость у Ллос, Паучьей Королевы, божества всех дровов и истинного источника силы каждого Дома. Такие обстоятельства никогда открыто не обсуждались среди дровов, но каждый, кто хорошо соображал, вполне мог ожидать, что какая-нибудь семья, стоящая ниже в городской иерархии, вскоре выступит против выведенного из строя Дома Де Вир.

Мать Джинафе и ее семья последними узнали о немилости Паучьей Королевы Ллос всегда так поступала, и Дайнин, оглядев подступы к дому, понял, что у обреченной семьи даже не было времени, чтобы организовать надлежащую защиту. Де Вир хвастался, что у него почти четыреста воинов, в том числе много женщин, но те, кого Дайнин видел теперь на постах вдоль парапетов, казались взволнованными и неуверенными.

Улыбка Дайнина стала шире, когда он подумал о своем собственном доме, который с каждым днем накапливал силу под хитрым руководством Матери Мэлис. С тремя его сестрами, быстро приближающимися к званию верховных жриц, братом-магом и дядей Закнафейном, самым лучшим оружейником во всем Мензоберранзане, тренирующим три сотни воинов, Дом До'Урден был опасным противником. И к тому же Мать Мэлис, не в пример Джинафе, была в полном фаворе у Паучьей Королевы.

– Дармон Н'а'шезбернон, – прошептал Дайнин официальное древнее родовое имя Дома До'Урден. – Девятый Дом Мензоберранзана!

Ему понравилось, как это звучит.

<http://tl.rulate.ru/book/5742/106947>